

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
1 АНТИЧНОСТЬ <i>от ранней до классической</i>	21
2 БЕНЕДИКТИНЦЫ <i>монастыри и раннее Средневековье</i>	49
3 КАТЕГОРИИ <i>авторитетные источники и систематизация до XII в. ...</i>	66
4 ДИСТИНКЦИИ <i>Высокое Средневековье и инструменты поиска</i>	97
5 РАСПРОСТРАНЕНИЕ <i>справочные сочинения в XIII–XIV вв.</i>	119
6 ПЕРВЕНЦЫ <i>от появления книгопечатания до библиотечных каталогов XV–XVI вв.</i>	134
7 УПРАВЛЕНИЕ <i>бюрократия и канцелярия с XVI в. до Французской революции</i>	162
8 ИСТОРИЯ <i>библиотеки, исследования и цитирование в XVII–XVIII вв.</i>	203

9	КАРТОТЕКА	
	<i>XIX век — от клерков до канцелярских принадлежностей. . .</i>	237
10	ПРОБЛЕМА Y2K	
	<i>от телефонной книги до гипертекста в XX–XXI вв.</i>	263
	ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	279
	БЛАГОДАРНОСТИ	285
	ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	287
	ПРИМЕЧАНИЯ	289
	ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	330

Наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. ...То, чего мы (до поры) не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным*.

Людвиг Витгенштейн.
Философские исследования (1953)

* Пер. М. С. Косовой и Ю. А. Асеева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С древнейших времен письменность считалась даром богов: в Древнем Египте она была дарована человечеству Тотом, богом мудрости и знаний; в Вавилоне — Ану, богом судьбы; в Шумере ее передал людям Набу, «писец богов». Греки считали, что письменность принес человечеству Гермес, посланник богов; согласно другим источникам, ее подарил музам Зевс. В скандинавском мифе — это дар Одина; в Индии слогоголовый бог Ганеша использовал один из своих бивней в качестве пера; в мифологии индейцев майя творец мира Ицамна вначале дал имена созданным вещам, а потом наделил людей способностью записывать эти имена. Иудеи учили, что Бог передал людям искусство письма через своего посредника Моисея; в Коране Аллах — тот, кто «научил человека писать пером». Созданная в XV в. корейская письменность хангыль возникла через «небесное откровение, явленное разуму мудрого царя»¹.

Похоже, вопрос о том, как появилась письменность, является ровесником самой письменности. Вот почему умение писать, позволяющее нам читать, собирать информацию и передавать ее, кажется настолько очевидным, что мы едва ли сознаем всю значимость этой способности. Однако с чтением, письмом и тем, как мы этим пользуемся, все обстоит не так просто. Как мы увидим далее, в мире существует два основных типа письменности: алфавитное и слоговое

письмо и письмо идеографическое. Насколько мы можем судить, алфавиту изначально придавали определенный порядок. Причина этого не установлена, хотя возможно, и даже вероятно, все дело в облегчении запоминания. Неалфавитные системы письма упорядочивались различными способами: по звучанию, по значению, по структуре или форме знака.

У читающих и пишущих на алфавитном языке, например на английском, не вызовет сомнений мое предположение, что элементы письменности должны быть определенным образом упорядочены. Принимается как должное, что наши системы письменности изначально использовались для сохранения мыслей; что впоследствии были изобретены способы, позволяющие возвращаться к этим мыслям, собственным или чужим. Ведь письменность является мощным инструментом, не только позволяющим персоне А уведомлять персону Б о том, что произошло или произойдет, или передавать и получать иную информацию, но и позволяющим персоне Б получить информацию об этих событиях столетия спустя после смерти А.

Сила письменности заключается в том, что она позволяет преодолеть время, а также в том, что создает искусственную память, или хранилище знаний, — память, находящуюся на материальных носителях, будь то глиняные таблички, стены, камень, бронза, папирус, пергамент или бумага. Именно так она и использовалась веками. Слова записывались и сохранялись. Как легко догадаться по характеру тех записей, что дошли до нас, предполагалось, что к ним будут обращаться впоследствии. Но каким образом мы освоили это искусство (или науку) «поиска записей»? Как мы научились находить то, что нам нужно и когда нам это нужно, в массе написанных слов, которые ежедневно окружают нас на протяжении тысячелетий?

Сегодня трудно представить, что невозможно что-то найти, то есть не знать, как пользоваться указателем, словарем или телефонной книгой. Еще труднее вообразить мир, в котором нет ни указателей, ни словарей, ни телефонных книг. Упорядочение и классификация, а затем обращение к материалу, организованному с помощью различных справочных инструментов, стали настолько неотъемлемой частью

современного западного склада ума, что их значимость практически неизмерима и в то же время парадоксально незаметна. Ибо мы ежедневно, даже ежечасно обращаемся к классификации — и не только при помощи записей. Каждый день мы используем десятки устройств, даже не задумываясь о том, что они были специально разработаны, чтобы мы могли быстро и без усилий находить нужное.

Например, в бумажнике есть кармашек для монет, более длинные отделения для купюр, короткие — для кредитных карт; в сумках есть петли для мобильных телефонов, карманы на молнии для ключей, вкладыши для проездных билетов. Однако их использование зависит от личного выбора: я могу положить свой телефон в карман, который кто-то другой использует для кошелька, и наоборот. Другие объекты должны быть упорядочены таким образом, чтобы их расположение было понятным широкой аудитории. В газетах статьи, освещающие внутренние события, отделены от международных новостей, статьи о спорте — от художественных обзоров или передовиц. Это сделано не для облегчения жизни газетчиков (один журналист может писать статьи на разные темы), но в помощь читателю. В свою очередь, размещение витрин в супермаркетах частично обусловлено технологическими ограничениями: до недавнего времени все охлажденные и замороженные продукты почти всегда размещались вдоль стен магазинов, где холодильные шкафы можно было подключить к электрическим розеткам; но в остальном для сортировки продуктов используются общие категории: мясо, рыба, свежие фрукты и овощи. Аналогичным образом мебельные магазины, такие как ИКЕА, сортируют свои товары по комнатам — здесь мебель для спальни, там предметы для кухни.

Эти способы настолько очевидны для нас, что мы едва ли рассматриваем их как систематизацию, тем не менее именно это они собой и представляют. Они позволяют людям, которые ищут информацию или материальные объекты, найти то, что им нужно. Однако все эти способы опираются на некоторые, пусть даже ограниченные, предварительные знания человека, выполняющего поиск. Читатель должен знать, что статья об Открытом чемпионате Франции по

теннису (French Open) при классификации будет отнесена скорее к определенному виду спорта, а не к стране и будет помещена в газете в разделе «Спорт», а не среди международных новостей. Точно так же покупатели супермаркета будут искать помидоры в овощной секции, хотя формально это фрукт; и укроп, если он сухой, будет находиться в разделе специй, а если свежий, то в овощах.

Сходным образом почти все системы сортировки требуют от пользователей обладания некоторым объемом знаний. С нашей современной точки зрения, печатные списки и алфавитный порядок, по сути, синонимичны: мы предполагаем, что алфавитный порядок является (и всегда был) для человечества стандартным методом сортировки, позволяющим найти большую часть информации, содержащейся в письменных источниках. Но оказывается, что это совершенно не так. На протяжении веков предпочтение отдавалось целому ряду других способов сортировки — географическому, хронологическому, иерархическому, категориальному. Порой в расположении материала трудно найти какой-то определенный принцип: сам порядок вещей представляется настолько существенным, что его просто запоминают. Какой был смысл для средневекового священнослужителя располагать книги Библии в алфавитном порядке? Для него было очевидно, что Бытие предшествует Исходу, так же как для нас очевидно, что понедельник идет перед вторником, а сентябрь — перед октябрём. Однако если вы попросите кого-то назвать или записать дни недели или названия месяцев в алфавитном порядке, то, скорее всего, последует продолжительная пауза. Это на удивление трудно сделать, потому что дни и месяцы следуют друг за другом в «естественном» порядке, и это не алфавитный порядок².

Другие типы категоризации и классификации, которые были естественными для прошлых поколений, сегодня кажутся такими же странными, как, например, попытка поместить август в начало списка месяцев на том основании, что он начинается с буквы А. Однако в мире, более стратифицированном, чем наш, иерархическое расположение когда-то представлялось вполне оче-

видным. В «Книге Судного дня» (поземельной переписи Англии и некоторых частей Уэльса, составленной по приказу Вильгельма Завоевателя в 1086 г.) была приведена оценка стоимости 13 418 владений, которые сперва были расположены в зависимости от их статуса, затем по географическому принципу, затем опять согласно статусу и, наконец, по уровню богатства. Вначале шел король, затем — по регионам — высшее духовенство, могущественные бароны и, наконец, самые обычные земледельцы.

Разумеется, чтобы информация «Книги Судного дня» оставалась доступной для последующих поколений читателей, они должны были знать регионы Англии и Уэльса и иерархический порядок титулования. Ибо за все тысячелетия существования письменности сложилась только одна важнейшая система классификации, которая не требовала никаких предварительных знаний для поиска: расположение по алфавиту. Единственное, что следует выучить для использования алфавитного порядка, — это список из приблизительно (в зависимости от языка) двух дюжин знаков, имеющих установленную последовательность. Не обязательно знать, на каком континенте находится город, чтобы отыскать его в атласе, или знать, кто стоит выше в церковной иерархии — епископ или кардинал, чтобы обнаружить их имена в списке участников духовного собора. Не нужно знать, предшествовала ли Гражданская война в Англии Гражданской войне в США, чтобы найти сведения о ней в справочнике «Войны в истории»; и, разумеется, не нужно знать, является ли помидор овощем или фруктом, чтобы отыскать его в каталоге семян.

Алфавитный порядок в этом отношении совершенно нейтрален. Человек, имя которого начинается с буквы А, находится в начале списка не потому, что он крупный землевладелец, или что у него больше денег, или что он родился раньше всех из этого списка, а просто по прихотливой случайности алфавита. Отсутствие у букв значения или заранее определенной ценности делает алфавитный порядок инструментом сортировки, который не навязывает пользователям ни убеждения его создателей, ни даже образ мира, в котором он был создан. В 1584 г. составитель первой французской

библиографии в посвящении, адресованном королю, извинялся за использование алфавитного порядка и признавал, что его выбор искажает иерархию, позволяя менее значимым людям появляться в списке перед более значимыми, детям — перед родителями, подданным — перед правителями. «Конечно, — писал он, — я чувствовал нечто неподобающее в соблюдении алфавитного порядка, то есть порядка А, В, С», но тем не менее настаивал на этой системе — не для того, как можно предположить сегодня, чтобы было легче найти соответствующие статьи, но для того, чтобы «избежать всякой клеветы и оставаться в дружеских отношениях со всеми»; иными словами, не нарушить, пусть и неосознанно, иерархию, поставив менее значительного человека впереди более великого³. Следовательно, в 1584 г. алфавитный порядок все еще оставался запасным вариантом, позволявшим избежать в публикации бестактности по отношению к общественному порядку.

Двести лет спустя, в конце XVIII в., в университетах Гарварда и Йеля колледжи по-прежнему использовали иерархию и статус в качестве основного критерия для сортировки учащихся, причем списки зачисленных составлялись по принципу состоятельности и социального положения семей учеников, а затем внутри этих разрядов выделялись те, чьи отцы учились в том же колледже. Личная успеваемость студентов обуславливала их повышение или понижение в списке класса в течение года, но на официальных мероприятиях порядок следования имен определялся с учетом социального статуса, согласно которому ученики входили в аудиторию и рассаживались по местам⁴. Сегодня невозможно представить себе расположение учащихся в зависимости от финансового состояния их родителей, расы или пола, цвета волос или их возможной популярности среди одноклассников (по крайней мере, это не афишируется). В нашу демократическую эпоху мы не сортируем учеников даже по успеваемости, хотя в прежние времена обычным был принцип «отличники сидят в первых рядах».

Главное преимущество алфавитного порядка, на наш взгляд, состоит в том, что он вообще ничего не сообщает о предмете клас-

сификации: «Алфавит помогает в поиске [или организации] вещей, но не в их понимании. Он не может сказать вам, почему кит имеет больше общего со слоном, чем с акулой»⁵. Алфавит нейтрален по отношению к значимости вещей и просто направляет пользователей к источнику, из которого они могут узнать об их значении или ценности.

И все же, если рассматривать алфавитный порядок с такой точки зрения, он выглядит удивительно бесполезным. Его главное свойство — нейтральность — предполагает, что он лишен собственного смысла, и именно поэтому он редко применяется в качестве исходного принципа. Телефонные книги, которые на первый взгляд кажутся полностью алфавитными, используют как минимум два фильтра предварительной сортировки: сначала по стране, затем по региону или городу (оба географические), затем по принадлежности к определенному типу, жилому или деловому (профессиональному) и только после этого доходят до алфавитного. Школы, которые используют алфавитный порядок для записи учеников в журналах, сначала делят детей по классам (возрасту), а уже затем — по алфавиту. Книжные магазины и библиотеки тоже редко (или вообще никогда) полагаются исключительно на алфавитную систему организации. Моя фамилия начинается с Ф, как и у Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Это совпадение ничего не скажет читателям о наших книгах, если они увидят их рядом. Вот почему практически во всех книжных магазинах «Фландерс» и «Фицджеральд» оказываются в разных отделах: «Фицджеральд» — в художественной литературе, «Фландерс» — в научно-популярной литературе (первый уровень сортировки). Затем «Фландерс» помещается в раздел «История», а «Фицджеральд», вероятно, в художественную литературу XX в. (второй уровень); затем их следует искать, соответственно, в разделе «История Европы» и среди авторов (третий уровень), и только внутри этих секций книги будут расположены по алфавиту имен авторов — Фа, Фе, Фи, Фл...

Конечно, в домашнем книжном шкафу ничто не препятствует Фицджеральду и Фландерсу оказаться рядом, если их владельцы

решили использовать алфавитный порядок в качестве основной системы сортировки. Если классификация предназначена для узкого круга или вообще для одного человека, могут использоваться и более специфические или индивидуально значимые системы, основанные на знаниях, которыми обладают пользователи: например, рядом ставятся все книги в желтом переплете; книги, доставшиеся от родителей; или расстановка производится в географическом или хронологическом порядке, по месту или дате покупки.

Новеллист и эссеист Хорхе Луис Борхес весьма образно и выразительно напомнил, что в действительности все способы сортировки по своей природе расплывчаты: мир хаотичен, следовательно, и способы рационализации и классификации для его описания тоже должны быть хаотичны. «Очевидно, — писал он, — не существует классификации Вселенной, которая не была бы произвольной и гипотетической... невозможность проникновения в божественный замысел устройства Вселенной не может отвратить нас от конструирования собственных моделей, даже если мы осознаем всю их условность». Он издевается над натурфилософом XVII в., который пытался посредством категоризации и классификации создать искусственный всеобщий язык, подчеркивая присущие ему «двусмысленность, избыточность и недостаточность» и утверждая, что они напомнили ему о некой китайской энциклопедии (возможно, воображаемой и изобретенной самим Борхесом), которая классифицировала всех животных, разделяя их на следующие группы: «(а) принадлежащие Императору, (б) бальзамированные, (в) дрессированные, (г) поросята, (д) русалки, (е) сказочные звери, (ж) бродячие собаки, (з) включенные в эту классификацию, (и) трясущиеся, как сумасшедшие, (к) неисчислимы, (л) нарисованные тончайшей кистью из верблюжьего волоса, (м) прочие, (н) только что разбившие вазу для цветов, (о) похожие издали на мух»⁶.

Классификация и инструменты сортировки, которые человек для нее создал, могут быть не столь причудливыми и запоминающимися, как вымышленная китайская энциклопедия Борхеса, но путь, пройденный от появления алфавита около 2000 г. до н. э.

к постепенному становлению алфавитного порядка в качестве способа сортировки примерно три тысячи лет спустя, в XIII в. н. э., не менее богат сюрпризами и чудесами*. Ведь этот порядок в конечном счете близок магии — в самом деле, волшебное заклинание «абракадабра», использовавшееся с античных времен, представляет собой слово, составленное из первых четырех букв латинского алфавита⁷. Этот волшебный инструмент, алфавит, наделяет способностью упорядочивать многовековую историю идей, знаний, литературы и научных открытий. Сортировка и классификация позволяют нам находить нужную информацию, а затем распространять ее. Без упорядочения все накопленные человечеством знания покоились бы в бесчисленных стопках книг — ненайденные, непрочитанные и неизвестные.

Несмотря на это, существование алфавитного порядка на протяжении большей части его истории оставалось практически незамеченным. Его изобретали и объясняли, изобретали заново и снова объясняли. Но, едва устоявшись, он быстро отошел на второй план, стал настолько привычным, что его существование просто перестали замечать. Изучая развитие алфавита, историк сетовал на то, что этот предмет недостаточно исследован: он сокрушался, что нет ни академической дисциплины под названием «История письменности», ни музея, ни даже раздела музея, посвященного ей. Эта область исследований была поделена между (перечислим в алфавитном порядке) антропологией, археологией, ассириологией, египтологией, мезоамериканистикой, палеографией, синологией, филологией и этнологией⁸. (Отметим, что с тех пор, как это было написано, успешно развивалось научное собрание Музея письменности, находящегося под руководством Лондонского университета.) Но хотя бы какие-то научные дисциплины ею занимаются! Историки Европы раннего Нового времени приступили к изучению

* Чтобы помочь читателю разобраться в этих тысячелетних прыжках, на с. 279 приведена простейшая хронологическая таблица. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

практик архивирования и упорядочения информации, возникших в эпоху Ренессанса, однако для написания большей части истории классификации нам приходилось читать между строк и двигаться в обратном направлении: от конечных результатов — моделей классификации, дошедших до наших дней, — к предположениям относительно намерений их создателей.

Возможно, классификация в целом и алфавитный порядок в частности оставались вне поля зрения под влиянием другого устойчивого представления, связанного с чтением: мы подразумеваем, что основным объектом чтения является нарратив, или повествование. Будь то роман о жизни в Сибири, история Римской империи или правительственный доклад о последствиях урагана, наше представление о чтении предполагает, что нам рассказывают какую-то историю, где события происходят в определенной последовательности, одно за другим, и у них есть смысл — или, если нет, смысл заключается в том, что они не имеют смысла. Ожидается, что читатели начнут с первых строк эссе, газетной статьи или книги, затем продолжают до конца, и на этом процесс чтения завершится. Однако существует множество других типов чтения, которыми мы пользуемся ежедневно: мы пробегаем текст по диагонали, пока не найдем что-то, что привлечет наше внимание; мы просматриваем текст в поисках конкретного места или необходимой информации; исследуя текст, мы вникаем в него, но прерываем чтение, чтобы посмотреть сноски, осмыслить авторское отступление, проверить источник в другой книге или найти определение или объяснение в справочниках; наконец, мы возвращаемся к знакомому тексту, чтобы вновь встретиться с чем-то, что мы уже знаем⁹.

Однако даже перечисленные виды чтения составляют лишь крошечный процент в читательской практике большинства людей. Кроме этого, мы читаем карты и маршруты навигаторов; читаем шапки фирменных бланков; читаем рекламные тексты в каталогах туристического снаряжения; читаем расписание поездов или автобусов; читаем дорожные знаки на автострадах и знаки парковок; читаем информацию о часах работы магазинов, а также вывески

с их названиями, чтобы отличить их от магазинов по соседству; читаем инструкции на упаковках лекарств и инструкции о том, как включить программу самоочистки духового шкафа; мы читаем меню и наш список деловых встреч на каждый день. И конечно, для получения информации мы просматриваем множество перечней, составленных по алфавиту: адресные книги, телефонные книги и списки контактов, указатели к книгам или картам или списки людей с фамилией Браун в «Википедии». Иными словами, большая часть нашей читательской практики связана не столько с повествованием, сколько с извлечением определенной информации, которую часто можно найти путем поиска в алфавитных перечнях¹⁰. Но об этой форме чтения никогда не пишут в книгах и журналах, ее не изучают в университетах. Зачастую ее даже и не считают чтением. И все же дома, в школе и на работе мы делаем заметки, которые приобретают форму перечней покупок, отчетов, статей, писем, финансовых смет или других рабочих документов; мы составляем списки — для наших страховых компаний, для адресной книги, для инвентаризации имущества или библиотеки, для офисной картотеки.

В книге «Всему свое место» я делаю попытку взглянуть на историю упорядочения и классификации, на обстоятельства их возникновения и особенно на роль алфавита в этом процессе. Добрая часть нашей жизни уходит на создание архивов документов, а затем на разработку способов поиска этих документов. Само слово «архив» происходит от греческого слова *arkheion*, которым называлась резиденция властей, место, где хранились не только правительственные документы, но также документы частных лиц, отданные ими на хранение. И по этой причине, как заметил один из первых составителей алфавитных списков Исидор Севильский (см. с. 52), «сундук» (*arca*), «архив» (*archivum*), а также «тайное знание» (*arcanum*) представляют собой одно понятие¹¹. Архив (помещение) и архив (документы, которые в нем хранятся) являются одновременно и вместилищем, и содержимым, в то время как сортировка — в алфавитном порядке или согласно любой другой

системе — является инструментом, который нужен нам, чтобы ориентироваться в них, своего рода картой, которая проведет нас через загадочный и тайный бумажный мир. Сундуки, использовавшиеся для хранения бумаг на протяжении большей части истории, имели форму ковчега, которая возвращает нас к Библии, Ковчегу Завета и Ноеву ковчегу — хранилищам Слова Божьего, человечества и царства животных. Ковчеги — это обыкновенные деревянные ящики для книг и документов, и тем не менее они символизируют мудрость веков, Божий завет человечеству¹².

Билл Гейтс назвал разработку транзистора в 1947 г. «ключевым переходным событием в наступлении информационного века». Другими ключевыми моментами, согласно историкам, стали изобретение письма, двойной записи (в бухгалтерии), книгопечатания, телеграфа и компьютера. В этом перечне примечательно то, что все названные изобретения создавали не новые знания, а новые пути, открывающие доступ к знаниям. Не машины (телеграф, печатный станок, даже компьютер) произвели революцию в мире, но процессы, на фоне которых возникли изобретения: они стали своего рода программным обеспечением для устройства печатных станков, телеграфа или компьютера. Чтобы новые типы программного обеспечения могли выполнять свою функцию, понадобились системы организации данных и особенно алфавит (азбука, появившаяся тысячелетиями раньше), которые открыли им путь в мир нового информационного порядка. Перед вами история о том, как это все произошло.

I

АНТИЧНОСТЬ

от ранней до классической

ANTIQUITY

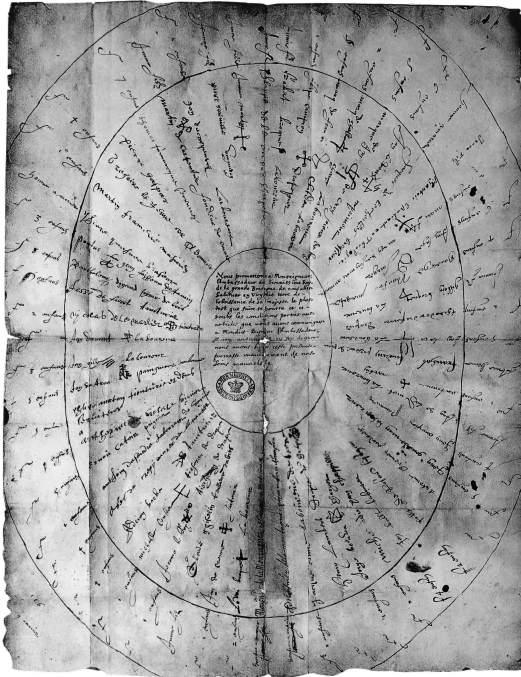
У многих языков древнейшая форма «письменности» отличалась от той, которая привычна нам сегодня. В ней не использовался набор символов, которые мы называем буквами: эти символы обозначают звуки, а их комбинации составляют слова. Вместо этого древнейшее письмо состояло из картинок, нарисованных на скале, которые, по-видимому, использовались для религиозных обрядов, а не для передачи абстрактных мыслей или обозначения конкретных вещей. Впоследствии появились пиктограммы, в которых стандартные общепринятые изображения использовались для представления определенных объектов. Пиктограммы появились независимо по всему миру, от Ближнего Востока до Австралии и во многих частях Америки. За ними последовало идеографическое письмо, где пиктограммы стали обозначать уже не предметы, а идеи, связанные с этими предметами: окружность могла символизировать солнце или свет, сияние или день. Этот вид письма также обнаружен по всему миру, от Китая до Северной и Центральной Америки, Африки, Австралии и Сибири¹.

Первая в мире сложная система письма, шумерская клинопись, развивалась по этому пути и около 3500 г. до н. э. перешла от

пиктографических символов к идеографическим, от обозначения предметов к обозначению абстрактных понятий. Шумерская клинопись представляла собой линейную письменность, знаки которой обычно собирались в столбцы, читавшиеся сверху вниз и слева направо. Этот порядок также представлял собой абстракцию: миру не свойственна линейность, и в реальной жизни объекты не располагаются сами по себе по горизонтали или по вертикали. Древние наскальные рисунки, которые, как считается, были созданы в ритуальных целях, вероятно, приобретали определенную форму и расположение в зависимости от места их изображения на стене пещеры или от желания самих живописцев, которые могли придать им символический, художественный или даже случайный порядок. Тем не менее практически в каждой новой форме письменности, появившейся после клинописи, использовались ряды знаков, имевшие определенное начало и конец². Это требование стало настолько универсальным, что всякое отклонение от него было весьма примечательно и обычно служило для конкретной цели, как, например, «круговые» подписи в жалобах в высшие органы власти, когда заявители подписывались по кругу, чтобы нельзя было установить зачинщика.

Затем шумерская письменность совершила еще один концептуальный скачок, создав способ обозначения грамматических частей речи с помощью уже существующих символов для слов, совпадающих по звучанию с соответствующими грамматическими элементами. Такую систему звукообозначения легче объяснить англоговорящим людям, которые знакомы с ее использованием в ребусе, традиционной игре-головоломке. Например, в ребусе изображение глаза (*eye*) может представлять слово *I* (я), изображение овцы (*ewe*) — слово *you* (ты) (см. рис. на с. 24).

Шумерская письменность стала бюрократическим инструментом в период быстрой урбанизации, когда влиятельный высший класс контролировал крупномасштабное гражданское строительство, а также создание и расширение сложных распределительных сетей, необходимых для доставки питания жителям новых

Круговая подпись под петицией о праве гугенотов на поселение в Новом Свете (1621). Петиция размещена в центре и читается сверху вниз и слева направо, в то время как подписи расположены нестандартно, чтобы скрыть имена авторов

городов. Однако, несмотря на всеобщее признание, письменность была доступна только для элиты. Обучение шумерской клинописи требовало времени и способностей: необходимо было запомнить около трехсот основных символов и еще почти тысячу символов, используемых менее часто. Кроме того, многие из них использовались в сочетаниях, что позволяло передавать всё новые значения: например, символ «гора» также имел значение «чужая страна», а когда он использовался вместе с символом «женщина», составной символ значил «рабыня»³.

К 3000 г. до н.э. торговые пути между Месопотамией и Древним Египтом были хорошо налажены. По этим путям в обоих направлениях распространялись не только товары, но и идеи, и одной из таких идей стала система фонетического письма. Первоначально новые египетские иероглифы были пиктографическими, то есть обозначали предметы, но в течение столетия египетское письмо совершило тот же концептуальный скачок, что и клинопись, применив ребусоподобную игру слов для передачи отвлеченных значений. К 2000 г. до н.э. в Древнем Египте использовалось 700 стандартных иероглифических знаков; две тысячи лет спустя их число выросло до 5000. В конечном счете в Древнем Египте сформировалось четыре типа письма: собственно иероглифы как таковые, упрощенная форма иероглифов (известная как иератическое, или священное письмо) и два варианта скорописи. Скорописью и иератикой можно было писать быстрее и легче, чем древними иероглифами, хотя они продолжали использоваться в надписях, на памятниках и на общественных или религиозных изображениях; скоропись использовалась для писем, записи деловых сделок и других повседневных дел, в которых скорость письма была важнее его внешнего вида.

Клинописная табличка, ок. XX–XVI вв. до н.э.

Во многих отношениях общества Древнего Египта и Шумера развивались параллельными путями. И там и там возникали густонаселенные городские центры, создавались новые способы орошения земель, были изобретены или развиты принципы деления года на недели, а часа — на минуты. Шумеру, вероятно, также принадлежит изобретение колеса, парусных судов, кирпичного производства — и, возможно, еще одно важнейшее открытие: нанесение на влажную глину символов, которые после ее высыхания сохраняют информацию для дальнейшего обращения к ней. Напротив, письменность в Древнем Египте поначалу имела совершенно иные размеры: знаки (глифы), имеющие религиозное значение, писались на стенах или на больших полотнищах, вывешиваемых на фасадах зданий. (Слово «иероглиф» означает «священная резьба».) Со временем эти глифы были приспособлены к меньшему масштабу и стали изображаться чернилами на свитках папируса⁴.

Простейшие иероглифы были идеограммами, то есть представляли конкретные объекты: изображение быка означало «бык». Затем появились фонограммы, в которых символ обозначал звук, имевший какую-то связь с его денотатом: глиф, изображающий самку зайца, использовался не для обозначения зайчихи, но для передачи звуков [w] и [n], то есть согласных, составляющих слово «самка зайца». Символы, которые теперь называются детерминативами, будучи помещенными после слова, указывали на то, к какому классу или категории оно принадлежит: за глифами, обозначающими растения, следовал детерминатив со значением «трава», чтобы показать, что предшествующий ему глиф относится к категории растений; аналогично все символы, за которыми следовал символ «перо из тростника», относились к области идей. Египетский текст мог записываться либо столбцами, читавшимися сверху вниз, либо строками, которые могли читаться в обоих направлениях: читатели определяли порядок символов по лицам на пиктограммах людей и животных, которые всегда были обращены к началу текста. Подобно шумерской клинописи, египетские иероглифы, иератиче-

ское письмо и скоропись отличались сложностью, и овладение ими требовало длительного обучения⁵.

Письмо было сложным занятием, и, скорее всего, во всем мире его изобретали не больше полдюжины раз — один историк полагает, что таких независимых изобретений письменности за все время существования человечества могло быть всего три^{*6}. Одной из первых цивилизаций, создавших собственную форму письменности, был Китай. Ранние прототипы письменности появились там в последней четверти II тысячелетия до н. э.: обнаружены предсказания, нацарапанные на лопатках вола и панцирях черепах, называемых гадальными костями (ок. 1200 г. до н. э.). (Фрагменты с резными насечками датируются ок. 4800 г. до н. э., но такие насечки нельзя достоверно назвать письменностью.) Письмо, используемое в Китае сегодня, ведет происхождение от системы письменности, возникшей в эпоху династии Шан, или Инь (ок. 1600–1046 гг. до н. э.). Это логография, где каждое слово представлено символом. В ранней форме некоторые из символов были изображениями конкретных объектов; другие имели характер ребуса — с помощью них логограф передавал слова с похожим звучанием; третьи были связаны не со звучанием, но по смыслу. Как и в случае с египетскими иероглифами, за знаками следовали детерминативы для уточнения их категории⁷. К 100 г. до н. э. эта система насчитывала около 10 000 символов.

Затем появилась мезоамериканская система письма майя, чьи первые сохранившиеся глифы датируются примерно III в. до н. э. Однако, скорее всего, они восходят к гораздо более ранней письмен-

* Я хотела бы отметить, что большая часть этой книги посвящена европейским системам классификации, потому что, хотя алфавит, возникший на Ближнем Востоке около 2000 г. до н. э., почти наверняка был предком всех более поздних алфавитных письменностей, для многих из них, если не для большинства, собственные методы алфавитной организации были разработаны намного позже ее появления в Европе и часто подражали европейскому образцу. Кроме того, эта книга сфокусирована на Европе и англо-американском мире по той причине, что мои знания неевропейских языков весьма ограничены, а также потому, что дальнейшее расширение области исследования потребовало бы значительно увеличить объем книги.

ности или письменностям, о которых мы ничего не знаем. Сегодня считается, что глифы майя были идеограммами, отчасти пиктограммами, но точных сведений об этом нет. Среди более поздних глифов были логограммы, передававшие целые слова; они использовались в сочетании с глифами, обозначавшими отдельные слоги. Они высекались, вырезались или наносились краской: на камне, дереве, на стенах и, более компактно, на керамике и коре хинного дерева⁸.

Все эти письменные системы было трудно освоить: для этого требовалось много времени и ресурсов. Появлению нового способа письма, содержащего менее тридцати символов, предстояло стать открытием — и в конечном счете всемирной революцией. Письмо, если и не было подарено человечеству богами, стало тем не менее искусством, которое тщательно охранялось духовенством и высшим классом: контроль над письмом был необходим для контроля над религией, над государственным управлением, даже над большей частью экономической деятельности. Новая система письма, однако, возникла не в храмах, не во дворцах правителей и даже не в городских центрах. Как мы полагаем, она родилась в Западной пустыне Верхнего Египта, где-то между городами Фивы и Абидос, на пути, который активно использовался торговцами и солдатами, особенно наемниками со всего Ближнего Востока. Эти люди говорили на разных языках и не принадлежали к образованной, грамотной элите. В силу необходимости они общались на креольском языке — гибриде нескольких родных для них языков. И все же именно эти грубые, необразованные, вызывавшие пренебрежение люди, скорее всего, изобрели принцип всех алфавитов мира. И хотя вполне вероятно, что письменность изобреталась не менее полудюжины раз, сама идея алфавита была настолько уникальной по уровню абстракции, что, как полагают, за всю историю человечества она возникла лишь единожды: именно в то время и в том месте. Насколько нам известно, все алфавитные письменности восходят к этому единственному источнику.

Главное нововведение алфавитного письма состоит в том, что оно разделяет все слова на более мелкие единицы, представляющие

отдельные звуки без какой-либо связи со значением слова. Это новшество сравнивалось с изобретением денег в Лидии, которое датируется примерно VI в. до н. э.⁹ И алфавит, и деньги — это абстракции: деньги являются символом стоимости, а не чем-то самоценным; буквы символизируют звуки, не являясь самими звуками. Нам сегодня трудно представить, какова была роль абстрактной природы алфавита в происходивших переменах. Тем не менее алфавитное письмо изменило сам способ мышления. Если английское слово *God* (бог) прочитывать в обратном направлении, оно становится словом *dog*, обозначающим собаку. Нельзя сказать, что такого рода инверсия невозможна без алфавита. Но в таком случае это была бы игра, пустая забава. Дело в том, что в неалфавитном письме нет «обратного направления». Слова имеют эфемерный, мимолетный порядок при произнесении — пока они не записаны, их последовательность надежно не установлена. Но как только они зафиксированы с помощью алфавитного письма, устанавливается порядок не только слов, но и их отдельных компонентов — букв. Например, китайские графические символы нельзя разобрать на отдельные элементы, перевернуть и читать в обратном порядке — даже представлять такое не имеет смысла¹⁰.

Каким бы радикальным новшеством ни казался алфавит в ретроспективе, простота его использования — требовалось запомнить 20 или 30 символов вместо нескольких тысяч — обеспечила ему быстрое распространение среди странствующих по пустыне людей: были найдены десятки надписей на скалах Западной пустыни, в Вади эль-Холь, которые, как считается, датируются примерно 2050–1550 гг. до н. э. Они еще не расшифрованы полностью, но имеют значительное сходство с более поздним алфавитом северосемитской письменности, расцвет которой пришелся на 1800–1700 гг. до н. э. Вполне вероятно, что надписи были вырезаны иностранными наемниками, которые видели египетские иероглифы, в частности символы, используемые египтянами для фонетической передачи иностранных слов и имен. Все надписи Вади эль-Холь явно основаны на этих иероглифах, хотя и не передают те же самые звуки — вероятно,

это свидетельствует еще и о том, что резчики были знакомы с ними, но не принадлежали к египетскому обществу¹¹.

В языковой группе, объединявшей хананеев, древних евреев, финикийцев и арамеев, использовалась форма северосемитской письменности, которая имела 22 буквы и была консонантным письмом, то есть алфавитом, состоявшим исключительно из согласных. Мы знаем, что в древнееврейском языке использовался тот же порядок букв, что и в северосемитском, потому что при раскопках была обнаружена надпись конца IX — начала VIII в. до н. э. с первыми пятью буквами древнееврейского алфавита, расположенными в такой же последовательности. Книга Псалмов в Ветхом Завете также включает псалмы, имеющие форму акростиха, в котором каждая строка начинается со слова на следующую букву алфавита; это еще раз подтверждает, что порядок алфавита был установлен уже к VI–V вв. до н. э.

Форма письма, требовавшая от пользователей запомнить лишь два десятка символов, могла быть освоена относительно быстро, по крайней мере по сравнению с длительным периодом обучения клинописи и иероглифике, что обеспечило ей быстрое распространение среди купцов и торговцев. Так алфавит проделал путь от иерархизированного Египта до Израиля, отличавшегося относительно социальным равноправием. (Израиль не был эгалитарным в нашем современном смысле, но был местом, где проповедники из низшего сословия — по крайней мере, согласно книгам пророков в Ветхом Завете — публично и не опасаясь возмездия выступали против высших классов общества, которые управляли религией и законами.)¹² Затем алфавит через финикийских купцов проник в Грецию — в цивилизацию, сделавшую критическое мышление и исследование философской ценностью¹³. Алфавит, возможно, появился там еще в XI в. до н. э., однако потребовалось не меньше двух столетий, прежде чем он стал широко использоваться.

Другой потомок первого алфавита развивался независимо: сохранившиеся надписи показывают, что к VI в. до н. э. предшественник арабского алфавита использовался в торговой колонии